



*Выражаю глубокую благодарность  
за оказанную помощь  
при написании данной книги  
кандидату физико-математических наук  
Беляеву Владимиру Валентиновичу*

Смартфон на столе, вибрируя, глухо гудел низким однотонным звуком и всё пиликал и пиликал незатейливой мелодийкой вызова с то затухающей, то нарастающей вновь громкостью звука, настойчиво требуя от абонента немедленно откликнуться на призыв, а Клава смотрела и смотрела на снимок на экране, по которому бегала снизу вверх стрелочка, указывая особо забывчивым пользователям, как именно необходимо провести пальцем, чтобы ответить наконец на затянувшийся вызов.

Вот так — вжик по экранчику легонечко — и «алло?», и все, вы разговариваете.

Хорошо же. Легко и просто. Давай ответь!

Этот снимок Клавдия сделала в пригороде Берна, полтора года назад. Только-только начиналась весна, пока еще робко, но уже настойчиво заявляя о своем приходе. Деревья казались сказочными в кружевных воздушных кронах, из почек пробива-

лась юная поросль, и воздух был совершенно особенным, каким-то сказочным и вкусным, обещающим что-то непременно интересное, радостное и захватывающее впереди. И даже вода в озере, на берегу которого они сидели, казалась веселой, будто ожидала того самого обещанного прекрасного будущего, рассылая вокруг солнечные блики.

Они тогда с Марком забрались на пригорок, подальше от цивильного променада вдоль речки, от курсирующих по нему людей, поспешивших выбраться на прогулки и пробежки на пригревшее, пока еще редкое, робкое солнышко и нашли это замечательное панорамное местечко, недалеко от стен старинного замка с потрясающим видом. Долго привычно молчали, сидя на сложенном в несколько слоев пледе, который Клавдия предусмотрительно прихватила с собой из гостиничного номера.

Наверняка администрация гостиницы возразила бы против такого использования их имущества, о чем и оповещала в памятке со сводом правил проживания, которую вручали постояльцам при заселении лично в руки.

Но Клава подбадривала себя рассуждениями о том, что, во-первых, у нее возникла такая необходимость, а во-вторых, что за те сумасшедшие деньги, которые тут дерут с постояльцев, можно этими пледами обвешаться с ног до головы в несколько слоев и с чистой совестью из этой гостиницы вынести все, вплоть до старинной чугунной

лоханки на толстых львиных лапах, стоявшей посреди огромной, полупустой, гулкой и холодной ванной комнаты.

Но с лоханкой-то бог бы — пусть себе стоит, где стояла, а вот без пледа никак нельзя — Клавдия точно знала, что они будут долго бродить и обязательно где-нибудь присядут полюбоваться видом, помолчать в созерцательном спокойствии, а поскольку они оба для такой цели предпочитают места уединенные, желательно без людей и шума-суеты, то вряд ли устроятся на скамейке или за столиком в кафе, а земля пока еще совсем холодная. Так что плед в пакетике с собой, и по большому счету по фиг, что там думает администрация по данному вопросу и чем будет недовольна, если обнаружит временную пропажу имущества.

А потом она сфотографировала Марка, таким он показался ей поразительным на фоне старой стены готического замка, озера и молодой поросли на дереве, попавшей краешком своей кружевной кроны в кадр.

Солнце как-то так по-особому осветило и легло на его лицо, что подчеркнуло, высветило сдержанную мужественность и этот необыкновенный, отстраненный от реальности, погруженный в себя взгляд насыщенно-темно-серых глаз, передавая саму суть характера и натуры этого мужчины. Он не заметил, что она его фотографирует, как обычно мало что замечая вокруг, когда его захватывала мысль, идея, озарение, в которые он погружался.

Стрелка все бежала и бежала вверх от волевого, упрямого подбородка, через сжатые губы к чуть прищуренным глазам, аппарат гудел от вибрации, а мелодийка, останавливаясь на мгновения, с новой силой нетерпеливо набирала громкость, словно попрекала нерадивого абонента за то, что тот не берет трубку.

Клавдия прекрасно знала, что он будет звонить и звонить, пока не добьется ответа, — упорно, целенаправленно и спокойно. Когда сотовый оператор любезно сообщит, что абонент не отвечает, прервав бесполезный вызов, Марк тут же наберет ее номер заново, а потом еще раз и еще раз и будет набирать, пока она все-таки не ответит. Клавдия резко выдохнула, взяла со стола смартфон и решительно провела пальцем вверх, следом за указующей стрелкой.

— Да, — ответила-таки она.

— Привет, — пробурчал Марк в своей привычной полузадумчивой манере и сразу же перешел к делу: — Я взял тебе билет на вечерний рейс сегодня. Сейчас скину на твою почту.

— Я не могу прилететь, Марк, — изо всех сил стараясь четко произносить слова ровным, спокойным и нейтральным тоном, сообщила она о своем решении.

Он непродолжительно помолчал, и Клава слышала, как он дышит в трубку.

— Почему? — спросил он тем своим особым тоном любопытствующего ученого, столкнувше-

гося с неожиданным неизвестным явлением, которым обычно задавал вопросы, когда чего-то не понимал.

— Так сложились обстоятельства, — помня про спокойствие и нейтральность, сдержанно произнесла Клава.

Он снова помолчал и задал следующий вопрос:

— Что-то случилось? — И перечислил возможные, с его точки зрения, происшествия, которые могли бы оправдать ее отказ приехать: — Ты заболела? Какой-то несчастный случай произошел? Или что-то с родными?

— Нет, — уверила Клава и повторила твердым голосом: — Так сложились обстоятельства, что я не могу прилететь к тебе, Марк.

Он снова молчал и сопел в трубку, а у Клавдии перехватило дыхание.

— Да, — нейтральным голосом произнес он. — Я понял. До свидания.

И разговор прервался.

Клавдия наконец глубоко вдохнула, с силой втянув в себя воздух до предела так, что даже немного закружилась голова, задержала дыхание на несколько секунд и длинно, протяжно-долго выдохнула.

Вот так. Вот так. Она это произнесла. И назад пути нет.

И осторожно, словно он состоял из наитончайшего хрупкого стекла, она медленно положи-

ла смартфон на стол и долго смотрела на черный прямоугольник экрана.

Первый раз она отказалась к нему приехать.

Первый раз.

А там, далеко, через города, реденькие рошцы и матерые леса, реки и речушки, через горы и равнины, холмы, пригорки, через деревушки, поселки, дороги и лоскуты садов-огородов, на другом конце света Марк Светлов таким же долгим взглядом смотрел на черный экран своего смартфона и думал о том, что вот оно и случилось.

Он всегда знал, что когда-нибудь настанет такой момент, когда она уйдет из его жизни в свою, обособленную от него вселенную.

Вот развернется и уйдет.

Нет, разумеется, он останется в ее жизни — не умрет же он на самом-то деле от этого ее ухода, — но никогда не будет так, как прежде.

И сразу все изменится — они останутся вроде бы друзьями и иногда, наверняка, даже будут случайно встречаться на каких-нибудь мероприятиях и праздниках. И станут дежурно интересоваться у родных и близких делами и успехами друг друга, но так, между прочим, как обычно вспоминают в разговоре о каком-то родственнике воспитанные люди, спрашивают, делая заинтересованное лицо, и вежливо, терпеливо выслушивают расширенный ответ любящей родни о его достижениях и жизни.

И она будет жить дальше без всякого его участия и устроит новую жизнь с каким-нибудь Васей, или Петей, или этим своим, как его там зовут, или того пуще, Эдуардом каким, и наверняка наладит ее как-нибудь приемлемо-счастливо, эту свою новую жизнь.

Да, Марк знал, что когда-нибудь так и произойдет, но он был не готов к тому, что это случится прямо сейчас, так скоро и вот так, в один момент... и что ему от этого станет невозможно дышать и совершенно непонятно, как жить в новом, изменившемся пространстве.

Впрочем, это не имело значения. Он вернется в Москву, выяснит, что там у нее случились за обстоятельства такие, систематизирует факты, разложит все в логическую цепочку и пойдет дальше жить и работать.

Без нее. Как-нибудь, как-нибудь...

— Клавдия! — крайне раздраженным тоном призвала ее к вниманию дама. — Вы совершенно меня не слушаете! Это недопустимо!

— Да-да, — поспешила повиниться Клава. — извините, Эльвира Станиславовна, я невольно задумалась.

— О чем, господи боже мой, вы могли там задуматься, когда я говорю? — откровенно негодуя, удивилась мадам.

В самый разгар воспоминаний, в которые она с удовольствием погрузилась, такая непозволи-

тельная ситуация — оказывается, ее бесценные откровения о прошлой жизни без зазрения совести игнорируются.

Клава разрешила себе полутяжкий вздох, который можно было трактовать как угодно — как покаянное извинение и как согласие с дамой — действительно, о чем там вообще можно думать, когда тут излагают нетленку?

Как же ее достала эта бабулька!

Нет, по-своему она, безусловно, грандиозная тетка и молодчина в каком-то смысле. Да во многих смыслах молодчина, если честно!

Так «построила» всю родню, что та исполняет каждую ее прихоть с немалым усердием и фантазией, лишь бы не гневить маман, а то....

Ух, что будет «а то»!

Как уже успела понять Клава, хватка у восьмидесятивосьмилетней бабульки железная — акуля, и про свою выгоду и счастливую обеспеченную жизнь она все замечательно понимала еще с младенческого нежного возраста, когда впервые освоила счет до десяти.

Впрочем, понимала Клавдия не только это.

Где-то три года назад, увлеченная некой творческой идеей, родившейся в результате общения с одним совершенно невероятным человеком, поразительной мощной личностью, Клавдия, не представляя последствий, долгим нытьем и увещеваниями уговорила его написать книгу своих воспоминаний.

Вернее, как написать — он наговаривает на диктофон или непосредственно ей свои воспоминания и передает имеющиеся у него документы, а Клавдия подтверждает их подлинность в архивах и соответствующих учреждениях и оформляет весь этот объем данных в книгу мемуаров.

Она настолько увлеклась и погрузилась в это дело и настолько подпала под обаяние и масштаб личности этого человека, что и не заметила, как они завершили работу и книга вышла в продажу. И сразу же стала наикрутейшим бестселлером и побила все рекорды продаж, на долгие месяцы заняв первые места в рейтинге самых читаемых и популярных книг.

Клавдия тогда, помнится, грустила ужасно, что закончилась такая увлекательная, грандиозная работа, и откровенно недоумевала, за что ее безмерно хвалит родное издательство.

А потом тот замечательный человек протезировал ей одного своего друга, не менее интересную и значимую личность, предложив написать и его мемуары. Клава поканючила, отнекиваясь — вообще-то это не ее профиль, она ответственный редактор, а это совсем иная работа, а за мемуары она взялась исключительно из любви и преклонения перед столь неординарным человеком, но после знакомства со вторым предполагаемым мемуаристом загорелась интересом к новой работе.

Нет, ну на самом деле, человек потрясающий, мирового масштаба личность, поразительной духовной мощи.

И она снова настолько увлеклась работой, творчеством, подпав под обаяние этой личности, что и в этот раз не заметила, как получился у них и вышел в свет очередной бестселлер, продававшийся, как горячие пирожки в мороз.

В общем, к работе ответственного редактора Клавдия не вернулась до сих пор, а занимается своеобразной литературной деятельностью, которая именуется в издательстве как-то даже несколько уничижительно — «литературный записчик», видимо, чтобы гордыня не чесалась, донимая.

Вообще-то Клавдии было глубоко пофиг, как там называется ее профессиональная деятельность, главное, что ей было необычайно интересно и увлекательно, и люди, с которыми приходилось сотрудничать, были личностями масштабными, оставившими в истории страны весомый след, и от общения с ними она обогащалась.

А если учесть, что специалистом Клава была дотошной и проводила долгие часы в архивах и спецхранах, к которым имела допуск, и встречаться приходилось по ходу работы со многими не менее интересными и известными личностями, чтобы проверить слова ее автора и подкрепить их аргументами и воспоминаниями очевидцев и участников описываемых событий, то и познания

и опыт она приобретала уникальный, что и говорить.

Материала выше головы, и порой Клавдия раскапывала среди груды старых дел такие документы и факты, от которых приходила в настоящее потрясение, и для нее история страны и людей тех прошлых эпох открывалась с неожиданной стороны, становясь многослойной и увлекательной, как наикрутейший голливудский боевик.

Так, это она отвлеклась, напоминая себе в очередной раз, как она вообще сюда попала и почему «вляпалась» в эту работу с престарелой мемуаристкой, отягощенной манией величия.

Под литературной редакцией Клавдии вышло уже три книги мемуаров, и все они имели колоссальный успех и бесконечные дополнительные тиражи и продолжали бить рекорды популярности — ну, такие вот у этих мемуаров герои и их автобиографии, мирового уровня фигуры и люди потрясающие. Что имело для Клавдии неожиданные последствия в виде обрушившейся на нее странной известности и своеобразной востребованности.

А именно: вдруг высшее, так сказать, общество страны загорелось новой свежей идеей — непременно оставить о себе и своей распрекрасной жизни литературную нетленку на века. И непременно в обработке записчицы Клавдии Невской, одно участие которой, по слухам среди бомонда,